

13. *Lyotard, J.-F.* Der Widerstreit [Text] / J.-F. Lyotard. – München, Fink Verlag, 1987.

14. *Sen, A.* Globale Gerechtigkeit. Jenseits internationaler Gleichberechtigung. In: Horn, Christoph / Scarano, Nico (Hrsg.): Philosophie der Gerechtigkeit. Texte von der Antike bis zur Gegenwart [Text] / A. Sen. – Frankfurt/M., 2002.

15. *Taparelli, Luigi d'Azeglio.* Versuch Eines Auf Erfahrung Begründeten Naturrechts [Text] / Luigi d'Azeglio Taparelli // Nabu Press. – Volume 1. – 2010.

16. *Walzer, M.* Sphären der Gerechtigkeit. Ein Plädoyer für Pluralität und Gleichheit (Theorie und Gesellschaft 23) [Text] / M. Walzer. – Frankfurt/M., New York, 1992.

17. *Welsch, W.* Unsere postmoderne Moderne. Vierte Auflage [Text] / W. Welsch. – Berlin: Akad.-Verl., 1993.

18. *Welsch, W.* Vernunft. Die Zeitgenössische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft [Text] / W. Welsch. – Frankfurt/M., 1995.

19. *Schramm, M.* Flexible Gerechtigkeit. Ein Vorschlag zum Widerstreit von Gerechtigkeitskonzeptionen [Text] / M. Schramm // In: Hohenheimer Working Papers zur Wirtschafts- und Unternehmensethik No. 7. – Stuttgart-Hohenheim: Institut für Kulturwissenschaften, 2007.

УДК 323.232

ПРОСВЕЩЕНИЕ В КАТЕГОРИЯХ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

А. И. Бардаков

Критически осмысливается концепция Просвещения Джона Грея. Выявляется специфика влияния различных этапов становления Просвещения на развитие общества. Анализируется терминологическая и понятийная составляющая культуры.

Ключевые слова: политика, культура, Просвещение, человек, общество, плюрализм, Д. Грей.

ENLIGHTENMENT IN TERMS OF POLITICS AND CULTURE

A. I. Bardakov

The concept of the Enlightenment by John Gray is critically comprehended in this article. The author reveals the influence of various stages of Enlightenment formation to the development of society and examines the terminological and conceptual component of the culture.

Keywords: politics, culture, Enlightenment, human being, society, pluralism, D. Gray.

Феномен Просвещения многогранен в своем проявлении, но наиболее часто его рассматривают как явление политики и культуры. В работе Д. Грея «Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности» в полной мере нашли отражение и культурологический, и политический аспекты. Автор трактует Просвещение как социальный проект, который уже давно исчерпал свои ресурсы. В этом тезисе наше мнение совпадает с позицией Д. Грея, однако, ряд положений вызывает возражения, поэтому предпринимается попытка обсуждения и определения места и роли Просвещения в дальнейшем развитии современности.

С автором можно согласиться в том, что у многих западных академических сообществ отсутствует понимание «...политической жизни нашего времени, – времени, ознаменованном крахом проекта Просвещения во всемирно-историческом масштабе» [2. С. 14]. О кризисе познания политических процессов, деградации современных обществ существует широкий круг и отечественных исследований. Критический анализ теоретической концептуализации «хорошего общества», осуществленный С. Г. Чукиным, позволяет ему сделать вывод об усиливающейся

эрозии «нравственности в западных обществах» [7. С. 38]. Крайне критическую позицию по поводу познания современных политических реалий высказывает В. П. Макаренко, утверждая, что «...вся структура главных понятий современного общества есть множество юридических и политических *фикций*» [4. С. 16]. Развивая критическую мысль А. Макинтайра о современном обществе, В. П. Макаренко ставит под сомнение философскую культуру Просвещения и правомерность существования постмодернизма [4. С. 31].

Критика исследователями политических практик и теорий дело обычное, ценность же концепции Д. Грея состоит в том, что автор анализирует Просвещение как определенный рубеж, за которым должно наступить нечто новое. Критический анализ либерализма, консерватизма, социализма по социальному обустройству различных стран в разные исторические эпохи, осуществленный Д. Греем, выглядит убедительным и является продуктивным для развития теории политики. Не менее убедительна позиция ученого об отсутствии практик реализации просвещенческого гуманизма в социальных системах. Интересна также авторская мысль о Просвещении как явлении культуры, при этом исследователь настаивает на ее

определяющей роли в формировании социально-политических процессов.

Основная идея Д. Грея состоит в отрицании возможности единой цивилизации, единой культуры человечества, он полагает, что дальнейший общественный прогресс возможен при мультикультурализме или плюрализме, то есть многообразии политических систем и культур. Надо заметить, Д. Грей не является единственным исследователем, доказывающим необходимость такого понимания современного мира. Э. А. Паин, анализируя концепции западных ученых о причинах и возможностях модернизации нынешних традиционных обществ, обращает внимание на «...признание возможности многообразия моделей исторического развития» как основного детерминанта прогресса социума [5. С. 41]. В конце XX в. представления о плюрализме как основе социально-политического, национально-культурного развития получили широкое развитие, поэтому теория Д. Грея в этом плане не является чем-то исключительным.

Плюрализм Д. Грея вписывается в контекст общенаучного понимания, по его мнению, «главная идея плюрализма состоит в том, что различные культуры должны мирно сосуществовать на Земле, не отказываясь от своих различий» [2. С. 342]. В понимании автора каждая современная общность обретает истинное, естественноисторическое развитие, только если она опирается на традиции, национальную культуру. Выстраивая концепцию мультикультурализма, Д. Грей видит в возникновении Советского Союза случайность. Он пишет: «...советский коммунизм ... не был порождением русской православной культуры. ... Народ России сбился с исторического пути, ... попытка воплощения в жизнь концепции, составляющей квинтэссенцию идеологии Запада и европейского Просвещения» [2. С. 71]. Поэтому советскую систему он считает искусственной конструкцией. Распад Советского Союза Д. Грей рассматривает как объективный процесс восстановления национальных культур, полагая, что существует приоритет национальной культуры над общей культурой. По его мнению, отдельные индивиды идентифицируют себя, прежде всего, с конкретной национальной или религиозной группой, т. е. он считает, что общечеловеческие гуманистические ценности менее значимы, чем национальные ценности [2. С. 69–70].

В концепции Д. Грея четко прослеживаются два подхода при анализе феномена культуры. Первый подход, который исходит из идей Просвещения и характеризуется единством культуры для всего человечества, автором критикуется. Второй подход, который Д. Греем подается как

авторский, представляет собой мультикультурализм, суть которого сводится к признанию наличия многих культур как объективной закономерности социального развития. Плюралистическое или мультикультуральное состояние социума, по мнению автора, приводит к тому, что «сама идея общей культуры начала рассматриваться как символ угнетения» [2. С. 59].

Надо заметить, что бескомпромиссная критика Просвещения, действительно определившего социально-политические системы и культуру модерна и определяющего постмодернистские политические процессы, нередко носит тенденциозный характер. Общеизвестно о попытках вестернизации многих неевропейских обществ, но утверждать, что «...проект просвещенческого гуманизма уничтожил традиционные культуры во всех частях земного шара и одновременно разрушил их естественную среду обитания» [2. С. 339] вряд ли правомерно. По этому вопросу более корректной представляется позиция Э. А. Паина. «На самом деле человеческие сообщества, – отмечает автор, – никогда не были совершенно изолированными, в условиях же глобализации проникновение культур стало почти тотальным. При этом понятия “локальный” и “универсальный” теряют былой антагонизм. ... Некогда сугубо географические понятия “Запад” и “Восток” теряют свою территориальную определенность» [5. С. 44].

Не менее сложно согласиться с утверждением, что «опыт СССР, где идеология Просвещения разрушила культуры русского и многих других народов, ... вероятно, в более длительной исторической перспективе будет восприниматься просто как особенно драматический эпизод мировой революции вестернизации» [2. С. 339]. Конечно, идеология Просвещения несет в себе отрицательный момент, как впрочем, это было свойственно и идеологиям предшествующих эпох. Однако рост грамотности населения СССР с 20 % в 20-х гг. практически до 100 % в 60-х гг. XX в., а также привитие соблюдения правил элементарной гигиены, бытовой культуры, наконец, социализацию или повышение социальной активности значительной части населения страны нельзя не признать позитивным аспектом Просвещения.

Просвещение выполняет идеологическую функцию, но она лишь одна из многочисленных составляющих данного социального феномена. Многогранность и разнонаправленность Просвещения хорошо раскрыты в работе В. Ф. Пустарнакова «Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа». Автор пишет: «Просвещение – это направление в сфере духовной культуры в широком смысле слова – в сфере литературы и искусства, общественной

и философской мысли, которое лишь опосредованно выражало потребности развития общества в буржуазном направлении» [6. С. 53]. Характеризуя социально-политическое содержание Просвещения, В. Ф. Пустарнаков акцентирует внимание на том, что «...вековым традициям сословного феодального неравенства просветители противопоставили идею равенства» [6. С. 123]. Достаточно четко обозначена позиция российского ученого при определении начала отечественного Просвещения. «Век русского Просвещения», – утверждает В. Ф. Пустарнаков, – не мог наступить раньше 40-х годов XIX в.» [6. С. 166], однако у автора нет однозначного ответа о периоде завершения данного явления в России. Видимо, это обусловлено не только предметом исследования – философией Просвещения, но и социально-политическим состоянием российского общества.

Если Д. Грей настаивает на том, что над современной политической теорией проект Просвещения довлеет, то В. Ф. Пустарнаков расставляет акценты на значимости и важности Просвещения для развития гуманитарного знания в целом и философии в частности, но как уже прошедшего события. В. Ф. Пустарнаков уделяет большое внимание культурологическому аспекту Просвещения, для обозначения деятельности культурного характера просветителя он использует термин «культуртрегер» в его позитивном значении. Идентификацию автором понятий «Просвещение» и «Просветительство», видимо, можно понимать как культивацию знания во всех сферах общественной деятельности, однако, на наш взгляд, этот процесс в конечном результате отражается на политических практиках, которые на определенном этапе своего развития начинают определять и контролировать всю просветительскую деятельность. Просветительство по своей функциональной направленности призвано изменять знания социального индивида, сделать его элементарно грамотным, а при определенных обстоятельствах дать или навязать ему идеологически ангажированного понимания мира. Объективный процесс развития просветительства таков, что у просвещенного индивида мотивация к социальным изменениям многократно возрастает, поскольку он преодолел представление о неизменности мира, сакральности власти, избранности управленцев. Надо заметить, что В. Ф. Пустарнаков Просвещение понимает прежде всего как явление культуры, которое хорошо вписывается в нашу социально-политическую концепцию, так как в нашем понимании культура возделывает человеческие качества, а Просвещение культивирует социальные качества, где политическая атрибутивность остается неотъемлемой их частью.

Российский ученый ведет речь о начальном периоде «русского Просвещения» и понимает его как культуру, и в этом обнаруживается закономерность, так как соотношение Просвещения и культуры таково, что во всяком начальном этапе просветительства Просвещение тождественно культуре. В последующем же по мере возрастания социальных функций Просвещения, связанных с расширением экономических, политических, правовых, идеологических и иных процессов социализации, оно утрачивает свое культурное содержание, а при абсолютизации Просвещения как социального проекта оно становится не только антикультурным, но и асоциальным.

В. Ф. Пустарнаков исследует начальное состояние Просвещения, поэтому на этом этапе, образно выражаясь, много культуры, что предопределяет культурологический категориальный ряд, а Д. Грей – его самый поздний период, где уже нет культуры, поэтому в его концепции артикулированы категории политики. Хотя Д. Грей также характеризует Просвещение как явление культуры, он настаивает на его разрушительных, деструктивных характеристиках. Он призывает «... признать уход проекта Просвещения эпизодом западной культуры – хотя и с глобальными последствиями» [2. С. 301]. Сменит Просвещение, по Грею, «... появление *плюралистических* форм, вдохновляемых целью облегчить *modus vivendi*» [2. С. 299]. Сохранение многообразия образов жизни автору видится тривиальной задачей, он считает, что государства с различными политическими системами и культурами должны научиться сосуществовать. Автор наивно допускает возможность сосуществования различных политических систем, забывая, видимо, практику двух мировых и бесконечное количество локальных войн XX столетия.

Д. Грею проделана огромная работа по преодолению мировоззренческих установок Просвещения, но его предложения по внедрению плюрализма как должного и достаточного социального состояния для развития человечества, по сути своей, являются новоявленным Просвещением. Автор не может выйти из замкнутого круга социальных детерминант, так как допускает методологическую ошибку – смешивая категории политики и культуры. Он постоянно говорит о возможности сосуществования государств с различными политическими устройствами и культурами. Признавая плюрализм культур как объективное условие существования современных обществ, не можем согласиться с идеей мирного сосуществования политических систем в условиях доминанты социальной над биотической и человеческой составляю-

щими индивида предопределяет власть, саморазвитие которой всегда приводит к расширению внутреннего и внешнего пространства ее осуществления. В XXI в. нет необходимости для колонизации какой-то территории посылать войска, для этого достаточно финансово-экономического принуждения, а для решения политических задач внутреннего значения существует богатый арсенал манипулирования общественным сознанием своих граждан. Тем не менее в характеристиках Просвещения, данных ученым, заложен большой исследовательский потенциал, который видится прежде всего в обоснования ограниченности, конечности просветительства как основания развития человечества.

Солидаризируясь с Д. Греем в характеристике Просвещения как социального явления, утратившего свою животворящую силу для развития человечества, мы ни в коем случае не предлагаем его выбросить как старый, ненужный исторический хлам. В нашем представлении Просвещение одно из звеньев развития культуры, которое в современных странах, если хотите в обществах постмодерна, обнаруживает свои деструктивные функции. Выстраивая генетическую цепочку состояния культуры в различные исторические эпохи, можно обнаружить место и роль Просвещения в развитии культуры и политики. Развернутая аргументация о возможности трактовки Просвещения как одного из этапов развития культуры нами уже неоднократно была представлена [1. С. 37–55], поэтому выразим эту мысль в сжатом виде.

Понятие «культура» (*cultura*) мы определяем как возделывание человеческих качеств общественного индивида. Термины и понятия «Просвещение» и «культура» имеют европейское происхождение, поэтому в парадигмах европейской традиции и исследуем их начало.

У античных греков возделывание человека обозначалось словом «пайдейя» – «воспитание». О совпадении смысла слов «культура» и «воспитание» свидетельствует то, что «пайдейя» противопоставляется слову «неотесанность», т. е. необработанность. Достоинством такого воспитания является его направленность на возделывание телесного и духовного начал индивида биосоциальной целостности, но именно это достоинство в условиях расширения социальных взаимосвязей и превращается в фактор, тормозящий общественное развитие. Даже в современной России в локальных сообществах, где преобладают кровнородственные отношения, можно наблюдать, подобно греческому «пайдейя», «высокое» воспитание, реализуемое внутри сообщества. Однако

индивиды с таким воспитанием трудно адаптируются в современных условиях социальности.

Более высокая степень социальности по сравнению с античной Грецией обнаруживается в Древнем Риме, где возделывание физических и духовных качеств индивида теперь уже неотъемлемо от его гражданских качеств. Термин «цивилизация», производный от латинского слова «*civilis*», содержит в себе греческое воспитание, но по смысловой нагрузке значительно шире. В. И. Даль толкует данное слово как «общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина» [3. С. 574]. Цивилизация возделывает гражданские свойства индивида для выполнения им общественных, государственных функций, которые в своем развитии приходят в состояние абсурда. Абсолютизация социализации сняла рамки и пределы материальности, которая, в свою очередь, породила огромное количество человеческих пороков. Нынешний кризис социальности, а по Д. Грею, Просвещения, во многом воспроизвел пороки, свойственные гражданам Римской империи.

Цивилизация в своей эволюции низвела духовные начала к нулю, а материальные начала обрели гипертрофированные формы, поэтому дальнейшее развитие обществ «цивилизованных» территорий обрело большие сомнения. Спасение в прямом и переносном смысле пришло вместе с религиозной формой сознания. Духовное совершенствование, одухотворение стало тем доминирующим моментом (культурой), который возделывал человека и общество. Термин «одухотворение» наиболее адекватно обозначает культуру начального периода средневековья, поскольку сохраняет позитивное из воспитания и цивилизации, однако, в последующем и этому звену культуры не удастся избежать кризисного состояния. Инквизиция, гонения на науку, многочисленные расколы в борьбе за власть предопределили деградацию общественного развития.

Из истории европейского развития хорошо известно, что на смену христианско-догматическому средневековью приходит Возрождение, которое возделывает духовно-светские качества в общественном индивиде. Возрождение восстанавливает, возрождает воспитание и цивилизацию, не отвергая приоритетность возделывания духа. В практике Возрождения не могло возобладать материальное производство (возделывания), так как уровень производительных сил феодализма не мог стать основанием интенсивного материального производства. Конечно, в отношении Возрождения не хочется употреблять слово «кризис», но достаточно очевидно, что это звено культуры

имеет свою ограниченность, проявляемую в сохранении сословности.

О возможности преодоления сословности и достижения свободы, равенства и братства заявили в эпоху становления буржуазных отношений, которая стала именоваться Просвещением. Просвещение, вбирая все предшествующие звенья культуры, во многом подобно культуре, особенно на начальном этапе своего становления в конкретном обществе. Однако его основные функции направлены на формирование социальных свойств индивида, в практиках экономики, образования современной России это хорошо просматривается. Просвещение как и цивилизация, одухотворение и Возрождение служит власти, которая не заинтересована в развитии человеческих качеств индивида, способного воспринимать социальные взаимосвязи вместе с помпезными формами управления и власти как явления второго порядка. Поэтому предложения Д. Грея о плюралистическом политическом обустройстве современных обществ представляется нам одной из разновидностей Просвещения.

Логика формирования генетической цепи становления культуры – воспитание, цивилизация, одухотворение, возрождение, просвещение, культура – показывает, что выход из просвещенческого коллапса видится в культуре, которая в своем развитии обретает собственное состояние и становится формой бытия индивида наряду с природой и социумом. Конечно, культура как форма бытия не занимает доминирующего положения по сравнению с социумом, но культура уже обрела величину, которая вытесняет политику из сферы человеческих взаимосвязей. Воспитание, цивилизация, одухотворение, возрождение и просвещение – важные моменты в становлении культуры, но, если воспитание в своей значительной части еще не попадает в пределы политики, то последующие четыре звена самым непосредственным образом связаны с политическими про-

цессами. Культуре же, возникшей из Просвещения, но представляющей качественно иное явление, политика чужда.

Возвращаясь к мысли Д. Грея об уходе проекта Просвещения из политики и культуры, хочется заметить, что для политики не только Просвещение, но и цивилизация, и одухотворение, и возрождение остаются релевантными. Весьма показательным примером служит деятельность различных религиозных общин, которые декларируют свою удаленность от мирской жизни, но, тем не менее, ни одно значимое политическое событие не проходит без их непосредственного или опосредованного участия, по крайней мере, в России это достаточно очевидно. Решение проблем Просвещения нам видится в признании культуры эпохой и бытием современности, что предполагает изменение вектора развития политической теории.

Библиографический список

1. Бардаков, А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика [Текст] / А. И. Бардаков. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. – 172 с.
2. Грей, Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности [Текст] / Д. Грей. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. – М., 1978–1980. – Т. 4.
4. Макаренко, В. П. Технократические мамелюки: социополитические аспекты концепции А. Макингайра [Текст] / В. П. Макаренко. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2000. – 60 с.
5. Паин, Э. А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов [Текст] / Э. А. Паин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6.
6. Пустарнаков, В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа [Текст] / В. Ф. Пустарнаков. – М., 2001. – 400 с.
7. Чукин, С. Г. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке [Текст] / С. Г. Чукин // Вопросы философии. – 2009. – № 5.